

Flídrová, Helena

Возможности применения теории грамматического синкретизма в чешской лингвистической русистике

Новая русистика. 2016, vol. 9, iss. 2, pp. 67-76

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136059>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Возможности применения теории грамматического синкретизма в чешской лингвистической русистике

Possibilities of Implementing Theory of Grammatical Syncretism in Russian Linguistic Studies in the Czech Republic

Гелена Флидрова

(Оломоуц, Чешская Республика)

Abstract:

Grammatical syncretism is understood as asymmetry of language sign, i.e. discrepancy between the content and form of language phenomena. This approach is applied in the study of selected grammatical phenomena in Russian in comparison with Czech, e.g. of Russian imperative with non-imperative meaning, interrogative sentences used as request etc. Special attention is paid to grammatical phenomena which are syncretic only in Russian and whose equivalents in Czech vary. The latter fact must be taken into consideration in case of their translation from Russian into Czech. Further detailed study of the issue of grammatical syncretism in Russian and Czech may benefit both linguistics theory and translation practice.

Key words:

grammatical syncretism; asymmetry of language sign; discrepancy between content and form; comparison of Russian and Czech; translation practice

В последнее время в лингвистической русистике начали появляться работы, посвященные синкретизму в лингвистике, так наз. лингвистической синкретологии.

В чешской лингвистической традиции русисты и богемисты до сих пор занимались синкретизмом только редко [SKALIČKA 1935; LEŠKA 1968], общеизвестный был и есть прежде всего термин «падежный синкретизм», однако в общем наши лингвисты предпочитали работать преимущественно с терминами омонимия или полифункциональность. Наоборот, в русской лингвистике проблематика синкретизма в языке была одним из научных интересов приблизительно с середины 20-го века. Его дефиницию приводит О. С. Ахманова [ACHMANOVA 1966], расширенное и более детальное определение лингвистического синкретизма, где учитывается не только совмещение взаимодействующих формальных и семантических признаков, но и явления переходные, принадлежит В. В. Бабайцевой: «Синкретизм — 1) совпадение в процессе развития языка функционально различных категорий и форм в одной форме. В русском языке наблюдается, напр., падежный с. (одно окончание имеет значение разных падежей) или с. разных грамматических категорий (одно окончание имеет значение определенного рода, числа и падежа). Одни ученые относят с. к грамматической омонимии, другие — к многозначности (полифункциональности) грамматической формы; 2) совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования» [BABAJCEVA 2000, 446].

Однако основы исследования в области лингвистического синкретизма находятся в работах датских лингвистов Л. Ельмслева и О. Есперсена. Считается, что термин синкретизм в лингвистику введен Л. Ельмслевым.

Следовательно, к синкретизму как лингвистической категории можно отнести все случаи асимметрии языкового знака, т. е. несоответствия между содержанием и формой языковых единиц. Синкретичные языковые факты — это не только омонимичные или полифункциональные, но и переходные явления, встречающиеся во всех планах языка, включая морфологию и синтаксис.

В области морфологии примерами русских синкретичных глагольных форм могут служить некоторые глагольные формы русской парадигмы императива, индикатива или кондиционала.

В рамках парадигмы императива мы сначала обратим внимание на так наз. **инклюзивный императив**, т. е. на синтетическую форму 1 лица мн. числа

императива (императив совместного действия), которая совпадает с формой 1 лица мн. числа индикатива настоящего/будущего времени (*пойдем, почитаем, сядем* и др.). Синкретизм (совпадение, омонимичность) этих форм является специфической чертой русского языка — в отличие от чешского, где обе формы морфологически отличаются (ср., напр.: *пойдем* — инд. *půjdete*, имп. *pojďte*, *сядем* — инд. *sednete si*, имп. *sedněte si*). Из-за совпадения этих форм многие лингвисты ставят под сомнение принадлежность инклюзивного императива к императивной парадигме, так как эта форма нарушает требование формальной однородности словоформ в парадигме [CHRAKOVSKIJ, VOLODIN 1986; ŠENDEL'S 1970].

Вследствие совпадения синтетических форм инклюзивного императива и форм 1 лица настоящего/будущего времени индикатива исследуемые глагольные формы в текстах не однозначны. Ср., напр.: *Обратимся к понятию функции. Рассмотрим соотношение ближней и дальней среды.*

Различие между ними стирается, потому что оно, по нашему мнению, является иррелевантным; важно прежде всего соучастие говорящего и адресата в предлагаемом действии — это обеспечивает 1 лицо мн. числа, и, далее, направление действия в будущее — это выражают глаголы совершенного вида в форме так наз. настоящего-будущего. Одновременно синтетические формы русского инклюзивного императива в тексте постепенно утрачивают свое побудительное значение. Следовательно, речь идет о синкретичной глагольной форме, стоящей на периферии парадигм двух наклонений — императива и индикатива.

В русской императивной парадигме, в отличие от чешской, синкретичными являются и **эксклюзивные формы императива 2 лица единственного числа** (напр.: *читай!*, *спой!*), относящиеся к центральным формам императивной парадигмы. Однако здесь синкретизм состоит не в совпадении с формами других глагольных парадигм, а в приобретении императивной формой 2 л. ед. числа неимперативного значения вследствие употребления императива в несвойственном ему контексте, т. е. в непобудительной функции, что влечет за собой и сдвиг в его значении. Императивная форма 2 лица единственного числа в этих случаях может выражать действие любого лица единственного или множественного числа, так что, по словам В. С. Храковского и Л. А. Бирюлина [CHRAKOVSKIJ, BIRJULIN 1992], она становится общеличной.

Традиционно, т. е. с точки зрения структурализма, здесь говорят о так наз. транспозиции императива, т. е. об употреблении императивных форм в непрямой, в непобудительной функции.

Существует несколько семантических областей функционирования императивной формы в непобудительном значении. К самым частым относятся:

значение условное, напр., *Скажи он раньше, все можно было бы устроить.* — *Kdyby to řekl dříve, všechno by se dalo zařídit*, значение условно-уступительное, напр., *Куда ни пойдешь, везде друзья.* — *Ať přijdeš kamkoliv, všude jsou přátelé*, значение долженствования, напр., *Вы-то едете, а ты/я дома оставайся.* — *Vy si jedete, a člověk aby zůstal / musí zůstat doma.*

В чешском языке подобного синкретичного императива нет, исключением можно считать несколько единичных примеров, а именно в условно-уступительном значении: *Dělej co dělej, stejně ho nepřesvědčíš.* — *Что бы ты ни делал / что ты ни делай, все равно его не убедишь*, и в значении невозможности реализации действия — *No a pak s ním mluv!* — *Вот и говори с ним!* (в смысле *С ним нельзя говорить.*)

В рамках индикативной парадигмы в обоих языках существуют разные синкретичные формы. Ср., напр., русские и чешские индикативные формы 2 лица единственного или множественного числа в функции эксклюзивного императива для выражения строгого приказа (напр.: *Сегодня ты на работу не идешь!* — *Dnes do práce nepůjdeš!*).

Однако более интересными в сопоставительном плане являются синкретичные индикативные формы прошедшего времени, которые замещают инклюзивные или эксклюзивные императивные формы. Они характерны только для русского языка, в современном чешском языке не встречаются. Они широко используются в разговорной речи и образуются лишь от определенных глаголов.

Напр.: *Пошли, Саша!* — *Tak jdeme, Sašo! С добрым утром! Начинаем урок гимнастики. Приготовились!* — *Dobré jitro! Začínáme rozcvičku. Připravte se!*

Однако в сочетании с местоимениями 1 лица эти синкретичные формы могут замещать индикатив настоящего/будущего времени. Напр.: *Ну, я пошел / мы пошли.* — *Tak já jdu/půjdu/odcházím / ту půjdeme.*

В парадигме кондиционала синкретичными можно считать формы 2 лица единственного или множественного числа, которые могут функционировать в роли эксклюзивного императива, выражая совет, рекомендацию, мягкое побуждение, но и приказ.

Напр.: *Ты бы ей правду сказал.* — *Kdybys jí řekl pravdu. Měl bys jí říct pravdu. Стал бы ты его помощником.* — *Kdyby ses tak stal jeho pomocníkem. Měl bys / mohl by ses stát jeho pomocníkem. Ты бы помолчал!* — *Kdybys/abys raději mlčel! Вы бы не стояли здесь, а помогите нам!* — *Kdybyste tady nestáli a raději nám pomohli! Было бы тихо!* — *Ať je ticho! Ticho!*

Как видно из примеров, в чешском языке самостоятельный кондиционал не принимается во внимание. Чешскими эквивалентами могут быть только конструкции с оптативными частицами или с модальными глаголами. Следо-

вательно, синкретичный кондиционал в побудительном значении существует только в русском языке.

В области синтаксиса под синкретичным углом зрения полезно рассматривать прежде всего случаи неоднозначного определения некоторых **членов предложения** вследствие того, что их форма не соответствует их значению. Решая эту проблему, лингвисты часто стремятся расширить количество членов предложения при помощи выделения нового члена предложения.

Так, напр., пражский русист П. Адамец [ADAMEC 1968] в рамках анализа системы членов предложения в русском языке суживает объем термина обстоятельство. Из обстоятельства места он выделяет в качестве особого члена предложения так наз. адъект (добавление), который обозначает направление, цель и место, однако, в отличие от традиционного обстоятельства места, он вытекает из валентности предиката, что приближает его к дополнению (напр.: *Дети идут в школу. Сестра подошла к окну. Универмаг находится на площади*). Ср.: *Универмаг находится на площади* — адъект × *На площади рабочие отремонтировали дома* — обстоятельство места. Кроме того, П. Адамец считает особым членом предложения также так наз. квалификант (уточнение), т. е. традиционное обстоятельство образа действия, меры и степени, дающее качественную или количественную характеристику предиката. Аналогично Р. Мразек [MRÁZEK 1961] предлагает выделять так наз. субъектный детерминант (субъектное дополнение, субъектное определение) вместо неоднозначного члена предложения, по форме традиционно считающегося дополнением или обстоятельством, но по значению приближающегося к логическому подлежащему (субъекту).

Напр.: *Ей было холодно. Тебе придется поторопиться. Ветром относит голос. Собор построен известным русским архитектором. У меня колет в груди. Меня лихорадит.*

Вместо термина субъектный детерминант в последнее время чешскими русистами стал употребляться термин семантический субъект, однако в более широком объеме [FLÍDROVÁ, ŽAŽA 2005].

С точки зрения синкретологии можно в приведенных спорных случаях, когда семантика членов предложения не соответствует их форме, говорить о синкретичных членах предложения. По В. Словаку [SLOVÁK 2015], занимающемуся этим вопросом детально, «признание существования синкретичных членов предложения, с одной стороны, осложняет всю систему членов предложения, но, с другой стороны, позволяет классифицировать члены предложения более естественно и ненасильственно, позволяет воспринимать ее не как систему дизъюнктивных категорий, а как систему связную, непрерывную». [SLOVÁK 2015, 131]

Однако с теорией синтаксического синкретизма можно работать и **на уровне предложений**. Примером могут служить случаи несоответствия формы и содержания в типах предложений по общей модальности (т. е. в повествовательных, вопросительных, побудительных и пожелательных предложениях).

Общеизвестно, что значение каждого предложения состоит из двух частей: 1) значение прямое, пропозиционное, объективное, диктальное, 2) значение косвенное, коммуникативное, субъективное, модальное. Второе значение имеет дополнительную функцию, оно наслаивается на первое значение и выражает отношение говорящего к реальности, выраженной первым значением. Н. Д. Арутюнова [ARUTJUNOVA 1976] в связи со вторым значением говорит о грамматике речи, надстраивающейся над грамматикой языка.

В коммуникативных типах предложений, т. е. в типах предложений по общей модальности, могут реализоваться разные коммуникативные намерения говорящего, которые в типичных случаях соответствуют общей модальности и структуре предложения и в нетипичных случаях им не соответствуют. Так, например, повествовательные предложения типично выражают констатацию, включая ее разные семантические оттенки, однако нетипично они могут выражать, напр., приказ (*Никуда не пойдешь! Эту записку отдадите директору! Она останется!*), побуждение к совместному действию (*Пошли! Начали!*) или другие семантические оттенки императивности. Аналогично вопросительные предложения, как замкнутые, так и развернутые, употребляются не только типично в роли вопросов, но и нетипично, напр., для выражения вежливой просьбы (*Вы могли бы подвинуться?*), строгого приказа (*Ты ответишь?! Чего орешь?! Кто там говорит?!*), но и констатации (*Можно ли мириться с этими недостатками?*) и др. В приведенных случаях, касающихся как русского, так и чешского языка, речь идет о косвенном коммуникативном значении модальных типов предложения.

Традиционно данная проблематика в синтаксисе рассматривается как транспозиция определенного коммуникативного типа предложений в сферу предложений другого типа, напр., транспозиция вопросов в область побудительных предложений [BARNETOVÁ, BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, LEŠKA, SKOUMALOVÁ, STRAKOVÁ 1979].

Тем, что говорящий выбирает для выражения побуждения вопросительную форму, окончательное предложение приобретает эмоциональную окраску. Однако это возможно только в случае, если адресат правильно понимает коммуникативное намерение говорящего, т. е. как призыв, а не как вопрос. Решающим и устраняющим неоднозначность здесь всегда является коммуникативный контекст (или пресуппозиция) в широком смысле, включающий также

экстралингвистические факторы. В конкретном коммуникативном контексте каждое предложение, несмотря на его оформление, имеет однозначную модальность.

С синкретологической точки зрения можно вследствие несоответствия формы и содержания вышеприведенные примеры неоднозначных предложений, заключающих в себе признаки двух типов предложений, считать синкретичными модальными типами предложений, напр., вопросительно-побудительными, вопросительно-повествовательными, повествовательно-побудительными, пожелательно-побудительными [SLOVÁK, VARGA 2015].

Далее с учетом явлений синкретизма рассмотрим некоторые **средства связи в сложном предложении**.

Союзы и относительные местоимения или относительные местоименные наречия отличаются своей частеречной принадлежностью и вытекающей из нее различной функцией в предложении: относительные местоимения и наречия являются членами предложения, в то время как союзы нет.

Русское слово **что** в сложном предложении совмещает в себе признаки двух частей речи — относительного местоимения и подчинительного союза. Принадлежность к той или другой части речи выражается у местоимения в письменной речи обозначением ударения, в отличие от безударного союза, в устной речи только акцентом.

Напр.: *Я вижу, что/что́ ты рисуешь.* — *Vidím, že/co kreslíš.*

Однако относительное местоимение *что* употребляется не только в сложноподчиненных предложениях, но и в предложениях по смыслу сложносочиненных, где оно вводит так наз. псевдопридаточное предложение. В русской грамматической традиции подобные предложения рассматриваются в рамках сложноподчиненного нерасчленного предложения и называют их чаще всего относительно-распространительными или присоединительными.

Напр.: *Книга написана с натуры, что делает ее живой.* — *Kniha je napsána podle skutečnosti, což ji činí živou.*

Как видно из примеров, в чешском языке для каждого употребления русского *что* в сложном предложении существуют три разных эквивалента: подчинительному союзу *что* соответствует подчинительный союз *že*, относительному местоимению *что* относительное местоимение *co*, а относительному местоимению *что*, вводящему псевдопридаточное предложение, относительное местоимение *což*.

Параллельное употребление русского синкретичного *что* в разных функциях встречается преимущественно в многочленных сложных предложениях.

Напр.: *Считалось, что при сосредоточении усилий можно сделать за десяток лет то, что в рыночной экономике займет несколько десятилетий.* — *Domnívali se,*

že při soustředění sil je možné udělat za deset let to, co v tržní ekonomice zabere několik desetiletí. Превышение спроса над предложением ведет к тому, что рыночные цены растут, что стимулирует предложение и, следовательно, рост производства. — Převyšování poptávky nad nabídkou vede k tomu, že tržní ceny rostou, což stimuluje nabídku a tedy i růst výroby.

Русское слово **когда** в сложном предложении может выступать в роли подчинительного союза или местоименного наречия, в чешском языке опять употребляются разные эквиваленты. Подчинительному союзу *когда* соответствуют подчинительные союзы *když, až*, относительному местоименному наречию *когда* местоименное наречие *kdy*.

Напр.: *Kогда она со мной разговаривает, то всегда улыбается. — Když se mnou hovoří, vždy se usmívá. Это им пригодится, когда они будут студентами. — To se jim hodí, až budou studenty. Я не помню, когда она жила в Москве. — Nepamatuji se, kdy žila v Moskvě.*

Вышеприведенные *что* и *когда* — это средства связи, которые можно считать синкретичными только в русском языке, так как в чешском языке их эквивалентами в сложном предложении в зависимости от их частеречной принадлежности являются разные слова.

Однако в сложном предложении стоят внимания также другие средства связи, которые оказываются синкретичными в обоих языках, но в употреблении которых русский и чешский языки расходятся. К ним относится, напр., русское слово **ли** и чешское **-li**.

В русском языке слово *ли* в сложном предложении считается вопросительной частицей, но в некоторых случаях оно стоит на грани между частицей и союзом [ŽAŽA 2015]. Напр.: *Он спрашивал меня, поеду ли я летом за границу. Она не знала, смеяться ли ей, или плакать.*

В чешских грамматиках слово **-li** в сложном предложении считается или условным союзом (напр.: *Nemýlím-li se, už jsme se někde viděli.*), или изъяснительным союзом в косвенных замкнутых вопросах (напр.: *Nevěděla, má-li se smát nebo plakat.*)

В случае косвенных вопросов употребляется *ли/-li* в обоих языках, однако в чешском языке встречаются, кроме него, и другие союзы. Ср.: *Он спрашивал меня, приехать ли ему. — Ptal se mě, má-li přijet / zda/zdali/jestli má přijet.* Однако последний союз, т. е. союз *jestli* (или в искаженной форме *jesli*) — разговорный, так что его частое употребление при переводе русского литературного *ли* на чешский язык ошибочно.

Что касается чешского условного союза **-li** и параллельного ему *jestliže*, их русским эквивалентом является только союз *если*. Напр.: *Vrátím-li se / jestliže se vrátím včas, můžete se sejít. — Если я вернусь вовремя, мы можем встретиться* [ŽAŽA 2015].

Подытоживая наши наблюдения, можно констатировать, что некоторые приведенные синкретичные явления встречаются параллельно как в русском, так и в чешском языке. Это касается, напр., неоднозначных членов предложения или некоторых коммуникативных типов предложений. Однако другие грамматические явления синкретичны только в русском языке. К ним относятся прежде всего некоторые глагольные формы — инклюзивный императив или эксклюзивный императив 2 лица единственного числа, встречающийся в императивном и в неимперативном употреблении, далее индикативные формы прошедшего времени или формы кондиционала и некоторые средства связи в сложном предложении.

На основе приведенного материала можно было бы сделать вывод, что русский язык является по сравнению с чешским языком более синкретичным, из чего одновременно можно предполагать, что чешский язык располагает более разнообразными языковыми средствами. Однако в силу недостаточного объема материала такое предположение нельзя подтвердить.

В связи с грамматическим синкретизмом в русско-чешском сопоставительном плане надо подчеркнуть, что изучение синкретичных языковых явлений тесно связано с теорией и практикой перевода. В нашем случае это касается прежде всего перевода с русского языка на чешский, когда русским синкретичным словам или глагольным формам соответствуют в чешском языке разные языковые средства.

Сопоставительное изучение языков, представляющее обнаружение сходств и различий в системе обоих языков и в функционировании их языковых средств, справедливо считается самым естественным методом обучения иностранному языку. Дальнейшая разработка теории грамматического синкретизма в русско-чешском сопоставительном плане может принести пользу для лингвистической теории и транслатологической практики.

Библиография:

- ADAMEC, P. (1968): *Nárys transformační syntaxe ruštiny*. Olomouc (interní tisk).
- ACHMANOVA, O. S. (1966): *Slovar' lingvističeskich terminov*. Moskva.
- ARUTJUNOVA, N. D. (1976): *Predloženije i jeho smysl*. Moskva.
- BABAJCEVA, V. V. (2000): *Sinkretizm*. In: *Lingvističeskij ènciklopedičeskij slovar'*. Moskva, s. 446.
- BARNETOVÁ, V., BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H., LEŠKA, O., SKOUMALOVÁ, Z., STRAKOVÁ, V. (1979): *Russkaja grammatika 1, 2*. Praha.

- FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Sintaxis ruskogo jazyka v sopostavlenii s češškim*. Olomouc.
- CHRAKOVSKIJ, V. S., BIRJULIN, L. A. (1992): *Povelitel'nyje predloženiya: problemy teorii*. In: Tipologija imperativnyh konstrukcij. Sankt-Peterburg, s. 5–50.
- CHRAKOVSKIJ, V. S., VOLODIN, A. P. (1986): *Semantika i tipologija imperativa. Russkij imperativ*. Leningrad.
- LEŠKA, O. (1968): *Formální a funkčně-obsahová složka ruského imperativu (injunktivu)*. In: Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III. O ruském slovese. Praha, s. 7–50.
- MRÁZEK, R. (1961): *Sintaksičeskije otnošenija i členy predloženiya*. In: Sborník prací brněnské univerzity. Řada jazykovědná A 9, roč. X. Brno, s. 47–60.
- SKALIČKA, V. (1935): *Asymetrický dualismus jazykových jednotek*. Naše řeč XIX, 1935, s. 138–145.
- SLOVÁK, V. (2015): *Ľavlenija sinkretizma na sintaksičeskom urovne jazykovej systemy*. In: VOBOŘIL, L., SLOVÁK, V. a kol.: Teoretičeskije i prikladnyje aspekty lingvističeskoj sinkretologii. Olomouc, s. 109–132.
- SLOVÁK, V., VARGA, P. (2015): *Sinkretizm v sfere obščej modal'nosti: povestvovatel'nyje i pobuditel'nyje predloženiya*. In: VOBOŘIL, L., SLOVÁK, V. a kol.: Teoretičeskije i prikladnyje aspekty lingvističeskoj sinkretologii. Olomouc, s. 133–152.
- ŠENDEL'S, Je. I. (1970): *Mnogoznačnosť i sinonimija v grammatike*. Moskva.
- VOBOŘIL, L. (2014): *Sinkretizm i polifunkcional'nosť v jazyke*. In: VOBOŘIL, L. a kol.: Sinkretizm i polifunkcional'nosť v jazyke. Rossica Olomucensia, 53. Monografie, s. 7–19.
- ŽAŽA, S. (1986): *K problematike sopostavitel'nogo opisaniya sintaksisa*. In: Voprosy izučeniya ruskogo jazyka v sopostavlenii s drugimi jazykami. Pod red. K. V. Gorškovej i Je. V. Petručinoj. Moskva, s. 52–60.
- ŽAŽA, S. (2015): *Rol' kratkich slov li i -li v slovarnom sostave i v grammatike našich jazykov*. In: GAZDA, J. (ed.): Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (4). Brno, s. 177–180.

Об авторе

Helena Flídrová, Palacký University in Olomouc,
Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies,
Olomouc, Czech Republic, helena.flidrova@upol.cz